И.В. ХАРИТОНОВА
(Волгоград)

ПРАВОНАРУШЕНИЯ КРЕСТЬЯН САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (вторая половина XIX – начало XX в.)

Дан анализ преобладающих видов проступков и преступлений, совершаемых крестьянами Саратовской губернии после отмены крепостного права, а также роли должностных лиц при вынесении вердикта. Отмечены процедура ведения судопроизводства, её местные особенности, а также меры предупредительного характера как способ борьбы с крестьянскими правонарушениями. Рассмотрены правовые реалии, заключавшиеся в сочетании официального законодательства с нормами обычного крестьянского права.

Ключевые слова: *крестьянство, Саратовская губерния, правонарушения, проступки, преступления, судопроизводство.*

С момента провозглашения Манифеста об отмене крепостного права в России стали учреждать органы крестьянского самоуправления [26]. На практике законы приобретали специфические формы, сталкиваясь с реалиями крестьянской жизни и стереотипами обыденного правосознания.

На первый план выходит регулирование крестьянами хозяйственных вопросов и функционирование местной правовой системы низшей инстанции. Касательно первого направления деятельности крестьянские общества и сельские жители уже имели определённые представления, будучи в крепостническом состоянии. Но относительно правонарушений издревле опирались только на нормы обычного права, на суд божий, а порой и на самосуд, что тормозило переход на общероссийское юридическое законодательство, в частности крестьянское право.

Стоит отметить, что виды наказания крестьянами своих же односельчан могли отличаться не только в разных губерниях, но и в уездах одной губернии, волости, таким образом, можно выделить особенности как применения норм обычного права, так и ведения судопроизводства и предварительного следствия на местах.

Правонарушения могли носить разнообразный характер, который по факту совершения деяния приравнивался либо к проступку, либо к преступлению. В настоящее время мы чётко проводим грань между этими двумя правонарушениями, которые регулируются разными кодексами. Преступления автоматически подлежат расследованию согласно Уголовному кодексу РФ [30]. Но в пореформенный период не была проведена очевидная грань не только между проступком и преступлением, но и между судами, к чьей юрисдикции будут отнесены данные дела, а также между сферами деятельности и влияния должностных лиц.

Во второй половине XIX в. в России ещё продолжалась разработка системы административной ответственности. Функционирующего института и нормативно-правовой базы как таковых ещё не было, суды продолжали носить сословный характер. Само понятие «административный проступок» не было строго регламентировано. Судьи с разной долей трудностей могли отделить проступок от уголовного правонарушения. Феодальные пережитки не ушли в прошлое вместе с отменой крепостного права и формированием сельских органов самоуправления. Поэтому разного рода сложности в толковании закона были перепоручены местным должностным лицам.

Обратимся к Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г. [4] и Временным правилам о Волостном суде от 12 июля 1889 г. [3]. Данный суд рассматривал мелкие крестьянские проступки, а также тяжбы до 100 рублей. Волостной суд руководствовался нормами обычного права, включая публичное рассмотрение дела и вынесение наказания без последующего обжалования. Данное право было введено в 1866 г. и поручалось местному съезду мировых посредников, с 1874 г. обжалование стали рассматривать уездные по крестьянским делам присутствия [31].

Крестьянское управление было подконтрольно мировым посредникам, уездным ми-

© Харитонова И.В, 2015

ровым съездам и губернским по крестьянским делам присутствиям, что вносило дополнительно путаницу в решение споров среди крестьян. Введение данных органов напрямую ограничивало крестьянское самоуправление.

Согласно «Положению о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» [5] данные инстанции учреждались с целью решать все возникающие недоразумения между крестьянами и помещиками. Мировые посредники имели большой вес в земских учреждениях, выбирались из числа потомственных дворян, согласно имущественному цензу. В их руках была сосредоточена немалая власть, поэтому на практике они могли вмешиваться в любые спорные ситуации, сочетая в своих руках функции и земских гласных, и руководителей крестьянского самоуправления. Сельские жители испытывали на себе прямое давление, в частности при голосовании [21].

Так насколько крестьянское самоуправление было самоуправляемым? И как в таких условиях могло формироваться и совершенствоваться на процессуальном и исполнительном уровнях крестьянское правосознание?

Постепенно в руки волостных судов переходило большее количество дел и форм наказаний (от общественных работ до применения розог, а также ареста и штрафов). Многих правонарушителей крестьяне продолжали судить либо на сельском, либо на волостном сходах, т.к. это было проще и доверительнее.

Среди дел по Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. на первом месте по частоте дела из категории «оскорбление действием и словом», а также «оказание сопротивления властям», которые совершались в основном под влиянием алкоголя. Обратимся к делу о крестьянах Власовых села Малая Грязнуха Балашовского уезда Саратовской губернии. В 1881 г. они оказали сопротивление сельскому старосте при исполнении им служебных обязанностей. Им предъявили обвинение по статьям 30–31 [16].

В глазах крестьян обычное право гарантировало законность, было ясным и не носило сложного бюрократического характера. Крестьянских судей выбирали из жителей из своего поселения. Среди цензов не значился такой пункт, как грамотность. Некоторые судьи не могли поставить подпись в документах, что говорит о качестве работы и профессионализме при вынесении приговора. В то же время писари, владевшие данными навыками, пользовались достаточно вольными трактовками процесса.

Встречаются и попытки договориться с волостным судьёй, дать мелкую взятку, а также случаи сокрытия материалов дела. Так, крестьянин Саратовской губернии В.М. Королёв, 41 года, являясь писарем при Елшанском волостном правлении, был обвинён в преступлении по должности (ст. 362 Улож. о Наказ.). Обвинение было предъявлено за использование в корыстных целях исполнительных листов и злонамеренное их уничтожение [9. Л. 20 об.]. В качестве требования обозначено было взыскать с него 45 руб. 66 коп.

Началось расследование, в результате которого была затребована помощь эксперта для сверки почерка на документах с целью уличить Королёва в подлоге. К делу был подшит протокол экспертизы от 9 августа 1914 г. судебного следователя Саратовского окружного суда 2-го участка Саратовского уезда. В качестве эксперта был задействован преподаватель Саратовского 1-го реального училища В.С. Головков. В результате был подтверждён факт преступления В.М. Королёва [Там же. Л. 92]. Как и в других случаях, к делу был приложен посемейный список крестьянина Королёва [Там же. Л. 103 об.].

В Положении закреплялся принцип словесного суда, поэтому многие факты не находят своего письменного отражения. «Временными правилами о Волостном суде» [2] от 15 июня 1912 г. в качестве обязательного пункта было добавлено владение письмом, но внедрение крестьян в категорию активных граждан происходило очень сложно и медленно.

Волостной суд являлся низшим крестьянским судебным органом и носил выборный характер, что способствовало росту авторитета и значимости в местной среде крестьянских судей. На волостном сходе происходили выборы судей в количестве 4–12 человек, с 1889 г. – трёх судей, но сроком не на один год, а на три. Подсчёт голосов осуществлялся по большинству закрытой баллотировкой [20].

Волостные судьи разбирали все дела, которые произошли в пределах их местности. Стороны на любом этапе могли прийти к примирению, собственно, именно к такому исходу всегда и стремились крестьянские суды. Делался акцент не на наказании, а на примирении, если это позволяли обстоятельства.

Но существовали и препоны, не позволявшие организовывать честное судебное делопроизводство. В правовых воззрениях крестьян преобладал нравственный императив. На досудебном этапе большую роль играли показания свидетелей. Приговор выносился по ряду показателей и не имел унифицирован-

ного вида в зависимости от правонарушения, а определялся личным отношением к крестьянину. Определялись место данного человека в сельском обществе, отношение к нему в своей среде, состав семьи, его порядочность и прочие нравственные категории. Часто волостные судьи испытывали на себе давление со стороны участкового земского начальника, который контролировал деятельность судей, проводя ревизии [6].

К смягчающим обстоятельствам относились, прежде всего, смерть члена семьи, плохое физическое состояние, беременность, кормление ребёнка, а также факт признания, раскаяния либо несовершеннолетие. Репутация правонарушителя и степень его участия в общей трудовой деятельности имели большое значение в суде [17]. Среди факторов, которые усиливали наказание, на первом месте стояли повторность правонарушения и неблагочинное поведение человека как члена крестьянского общества и как семьянина [25].

Православное сознание судей, вера в греховную, мученическую природу человека порождали специфические местные формы наказаний. Крестьянский суд до последнего верил в возможность раскаяния правонарушителя. Поэтому буква закона играла второстепенную роль, на первый план выходило христианское милосердие судьи. Академик В.П. Безобразов писал о том, что «самая прочная власть есть та, в повиновении которой заключается сознательный, прямой, личный интерес повинующихся» [1].

П.А. Гильдебрант приводит статистику, согласно которой 95% крестьян в стране разбирали все тяжбы именно в волостных судах [7]. Однако стоит отметить, что устранение одного из членов крестьянского общества как метод наказания не всегда устраивало остальных общинников. Рабочих рук всегда было недостаточно, поэтому за мелкие проступки старались наказать кулаком, а не законом. Считалось, что это самое оптимальное наказание, понятное крестьянину, быстрое и без финансового вреда для других крестьян.

С мелкими хулиганами на месте могла разобраться земская полиция без бюрократизма. Определённая роль отводилась по данным вопросам и сельским старостам. Ведь в его обязанности входило «принимать необходимые меры для охранения благочиния… и безопасности лиц и имуществ от преступных действий, а равно предупреждать…» [26, ст. 60]. Сельский староста взаимодействовал с земской полицией. Также староста мог сам наказать виновных либо общественными работами до двух дней, либо арестом на данный срок. В крестьянской среде и телесные наказания, и особенно арест считались позором. После подобных наказаний среди крестьян за таким человеком пожизненно закреплялся позорный статус.

Волостной староста был наделён теми же правами, что и сельский. Однако П.А. Зайончковский пишет, что его функции «носили почти исключительно административно-полицейский характер» [19]. Сельские старосты подчинялись непосредственно ему, выполняя все его указания.

В случае совершения правонарушения по непростительным статьям, например богохульство или оскорбление царя, процедура досудебного разбирательства приобретала консервативный вид. Для обеспечения точного следования закону подобные дела для дальнейшего расследования передавались в высшие инстанции [18].

Новые судебные уставы [29], принятые в процессе реализации судебной реформы 1864 г., определяли новые судебные принципы. По своему характеру они были прогрессивными. Суд приобретал бессословные формы, становился гласным и публичным. Судебный процесс основывался на состязательных началах, провозглашалась независимость судей. Сама судебная структура упрощалась и представляла собой суды двух видов – общий и мировой [23]. Подобное нововведение являлось крайней необходимостью, т.к. работа судей напрямую зависела от чёткого определения их поля деятельности и невмешательства других лиц при вынесении приговора.

Общий суд имел три инстанции – окружной суд, судебную палату, Сенат. Окружной суд выносил вердикт, учитывая решение присяжных заседателей в количестве 12 человек. Присяжным поверенным мог быть любой человек независимо от сословия [24]. Мировой суд был ориентирован, прежде всего, на разбор уголовных дел. Вердикт мог быть обжалован на съезде мировых судей, в отличие от решения присяжных, которое являлось окончательным и не могло быть обжаловано.

Случаи подачи апелляции в Саратовской губернии были часто. Например, случай, произошедший в 1880 г. в Саратовском уезде с крестьянином с. Лесная Нееловка. И.И. Шилкин подал апелляцию после того, как был осуждён за оскорбление действием волостного старшины [14]. Любопытно и следующее дело, идентичное по характеру, в котором объект и субъект поменялись местами. Это дело об апелляции, поданной старостой Вольского уезда

с. Колояры И.Е. Коноплянникова в 1880 г., ранее осуждённого за оскорбление действием крестьянина [13].

Мировые судьи не всегда могли справиться с вынесением приговора, когда дело касалось крестьян и их самобытной картины мира. Необходимо было знать местные традиции, поэтому для решения крестьянских вопросов волостной суд не упразднялся.

Преступления расследовались согласно установленному порядку. При производстве предварительного следствия могли быть проведены экспертиза, судебно-медицинское освидетельствование. В документах по судебному делопроизводству содержатся обвинительные акты, протоколы врачебных экспертиз, встречаются «скорбные листы» лечебницы для душевнобольных. Но насколько эти процедуры могли быть качественными, если «в случае совершения преступления делать предварительное дознание, задерживать виновных и охранять следы преступления до прибытия земской полиции или судебного следователя» [26, ст. 60, п. 4] был обязан сельский староста.

Большая роль отводилась и самим судебным следователям. Они были прикреплены к окружным судам и имели большой круг процессуальных полномочий. Однако в этом были и минусы. В.П. Макалинский считал, что следственная часть имеет много изъянов: «Большинство следователей терпимо разве только за неимением лучшего: незнание дела, апатия, формальное отношение к своим обязанностям и крайняя небрежность во всех отношениях – составляют обычное явление, мало кого поражающее» [22].

Но встречались и следователи, кропотливо и профессионально подходившие к своей работе. Примером этому служит дело, в котором рассматривались разногласия между судебными следователями Саратовской губернии по расследуемому ими делу [12].

Примером качественной работы судебных следователей является дело крестьянина с. Вязовки Богородской волости Аткарского уезда И.З. Мирина, 22 лет, произошедшее в 1913 г. Крестьянин был обвинён в оскорблении бога и царя (п. 2 ст. 1032 и 205). Дело было представлено в двух томах и расследовалось согласно Уголовному уложению.

В обвинительном акте излагалась ситуация. Приехав из Сибири в гости к своему дяде Г. Мирину, Игнатий в течение более одного месяца ежедневно заводил ссоры. При этом дядя его стыдил за использование площадной брани (было частым явлением в крестьянской среде), грозился пожаловаться начальству. 28 февраля 1913 г. стал буянить, снял со стены икону, вынес на улицу и стал топтать ногами. За это его доставили в волостное правление, где он продолжил ругать бранными словами бога и государя императора. Всё это время он был трезв, а после не признавал, что вёл себя таким образом [10. Л. 2 об.].

Во время предварительного следствия был поставлен вопрос о психическом состоянии и умственных способностях крестьянина. Признав его здоровым, саратовский окружной суд с участием сословных представителей и 11 свидетелей выдвинул ему обвинение по девяти пунктам [10. Л. 3 об.].

После заседания было решено повторно обратиться к помощи врачей, которые пришли к выводу, что Игнатий Мирин страдает маниакально-депрессивным психозом, возможно, в циркулярной форме. Во время совершения преступления находился в маниакальной стадии, сейчас в состоянии разрушающейся депрессии [10. Л. 81 об.]. К делу был приложен «скорбный лист» лечебницы для душевнобольных [Там же. Л. 86], а также вопросный лист из 29 пунктов [Там же. Л. 116].

Было доказано, что Г. Мирин произносил «скверноматерную брань» в состоянии умоисступления. Определили его в камышинскую тюрьму, где его подозревали то в ненормальности, то в симуляции [Там же. Л. 161]. Подвергался карцерному наказанию, но его болезнь продолжала прогрессировать, т.к. он совершал неадекватные поступки, слышал голоса и впадал в беспамятство по причине травмы головы в детском возрасте и генетической предрасположенности к сумасшествию, переданной от отца [Там же. Л. 189]. Содержать его в тюрьме не представлялось возможным в ряду изложенных причин и в связи с необходимостью содержания в лечебнице.

Таким образом, мы отмечаем, что качество судопроизводства определялось рядом факторов, среди которых профессионализм, милосердие, местные традиции. На основании множества факторов даже по одинаковым делам процедура досудебного следствия могла проходить по-разному.

Регистрационные листы преступлений заполнялись с разной долей прилежности, несмотря на то, что имели общую форму и у судебных следователей имелись заготовленные печатные шаблоны. Регистрационные листы состояли из десяти положений [28]:

1. Наименование преступления.
2. Время совершения преступления (указывалась дата).

3. Место преступления.
4. Потерпевшие от преступления.
5. Каков причинённый вред, убыток, что похищено, сожжено и др.
6. Обвиняемые в преступлении.
7. Задержанные обвиняемые.
8. Проводимый розыск незадержанного подозреваемого.
9. Сколько возвращено из числа украденного.
10. Куда и когда передано дознание.

В случае необходимости на обороте делались особые отметки.

Анализируя делопроизводственную документацию, обвинительные акты, документы предварительного следствия в Саратовской губернии, отмечаем, что как частота происшествий, так и их виды напрямую связаны с уровнем жизни крестьян и их правосознанием.

Опираясь на отчётные документы по происшествиям на закреплённой территории, мы можем составить примерный перечень наиболее часто повторявшихся в Саратовской губернии правонарушений. Так, в деле о происшествиях по первому стану за 1898 г., в соответствии с рапортом № 76, составленным полицейским урядником 7-го участка I стана И. Кунцовым, мы находим данные сведения [11, л. 21].

На первом месте мы фиксируем пожары, совершаемые как по неосторожности, так и со злым умыслом. Далее следуют кражи, со взломом, уличные, мелкие и крупные. Обычно кражи сопряжены со статьями о разбое, нападении, нанесении тяжких увечий. Совершались либо в состоянии алкогольного опьянения, либо в ситуациях крайней нужды. В целях быстрой поимки воров и в качестве предупредительных мер для неблагонадёжных Саратовская типография губернского правления печатала в газете «Саратовские Губернские Ведомости» сводку с приметами по отношению окружного суда [27].

На третьем месте – случайные смерти в случае замерзания, опьянения или болезней. Далее грабежи и воровство в пути следования, с нанесением побоев и телесных повреждений. Встречаются потери детей, а также подкинутые младенцы.

Среди единичных случаев – изнасилование и попытки изнасилования (в Александровской волости в с. Михайловское И.Е. Меренков изнасиловал П.А. Зайцеву из с. Елань) [11. Л. 23 об.]. Девушки, которую обесчестили, крестьянское общество чуралось, избегало, во многом это объясняют редко встречающие дела по данным фактам. Реже встречаем сбыт фальшивой монеты, а также богохульство и оскорбление императора [11. Л. 24].

Единичны дела о побеге, доведении до самоубийства. В начале XX в., что обусловлено сложной политической обстановкой внутри страны, появляются дела о распространении литературы и антиправительственной пропаганде. Уникальным делом является случай, произошедший в с. Ельшанке в 1881 г. Крестьянин данного села обвинялся в эксгумации в ритуальных целях [8].

Ограниченность полномочий либо отсутствие строгой судебной иерархии, ограниченный в правовом смысле кругозор крестьянства в конечном итоге породили специфическое сельское правотворчество.

Рост грамотности в деревне, постоянное взаимодействие с городом постепенно приобщали крестьян к закону. Полиция осуществляла контроль над неблагонадёжными и поднадзорными крестьянами, закрепляя за ними должностное лицо. В случае хорошего поведения могли сократить срок надзора. На каждого поднадзорного составлялось дело, в котором указывались причина и срок надзора, состав семьи, статья, по которой был осуждён. Надзор носил гласный характер, но встречается и секретный. Статус надзора мог меняться, как мы можем видеть на примере дела состоявшего под надзором полиции крестьянина И.К. Шепелева 33 лет из Саратовского уезда.

По роду занятий чернорабочий, он находился под надомным надзором в течение 4 лет в Михайловской волости в д. Анифановка Саратовской губернии. 14 марта 1913 г. он был задержан в Саратове, где он не имел права находиться [15. Л. 2]. В арестантской его ознакомили с решением, т.к. крестьянин был неграмотным. Было предписано препроводить Шепелева под домашний надзор в предписанную ранее деревню [Там же. Л. 2 об.]. Судя по составленному протоколу, надзор вёлся неформально и был ориентирован на предотвращение повторных правонарушений.

Однако отсутствие унификации процедуры судебного разбирательства, системы наказаний не способствовало сокращению числа правонарушений и их предупреждению. Делинквентное поведение крестьян было обусловлено не только их низким уровнем жизни, но и отсутствием чёткой регламентации крестьянских судебных практик, личными мотивами старост, волостных судей, судебных следователей и прочих должностных лиц. Отчасти поэтому правонарушения на местном сельском уровне были не только разнообразно представлены, но и широко распространены.

Список литературы

1. Безобразов В.П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. СПб., 1882. С. 42.

2. Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введен в действие закон о преобразовании местного суда, Высочайше утверждённый 15 июня 1912 г. (Собр. Узак, 1912 г., № 118, ст. 1003), – с законодательными мотивами, с приложением статей «Устав Сост. К.П. Змирлов» – Право. Спб., 1912. С. 127–146.

3. Временные правила о Волостном суде: № 6196 от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Собрание III. Т. IX.

4. Высочайше утверждённое Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: № 36657 от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Спб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Собрание II. Т. XXXVI.

5. Высочайше утверждённое Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях: № 36660 от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Спб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Собрание II. Т. XXXVI.

6. Высочайше утверждённое Положение о земских участковых начальниках: № 6196 от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Спб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1912. Собрание III. Т. IX.

7. Гильдебрант П.А. Труды этнографическо-статистической экспедиции. Спб., 1872. С. 10.

8. Дело крестьянина с. Ельшанки, обвиняемого в эксгумации в ритуальных целях // ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2597.

9. Дело о крестьянине Владимире Михайловиче Королёве, обвинённого по ст. 312 Улож. о Наказ., обвинённого в преступлении по должности // ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5344.

10. Дело о крестьянине Игнатие Захаровиче Мирине // ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4841.

11. Дело о происшествиях по I стану Саратовского уезда // ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 26.

12. Дело о разногласиях между судебными следователями // ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95.

13. Дело о рассмотрении апелляционной жалобы старосты с. Колояры Вольского уезда Конопляникова И.Е., осуждённого за оскорбление действием крестьянина // ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 176.

14. Дело о рассмотрении апелляционной жалобы крестьянина с. Лесная Нееловка Саратовского уезда Шилкина Ивана Ионовича, осуждённого за оскорбление действием волостного старшины // ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 191.

15. Дело пристава I стана Саратовского уезда о состоящем под надзором полиции крестьянина Игнатия Константиновича Шепелева // ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 201.

16. Дело по уголовному департаменту на основании закона от 9 мая 1878 г. по делу о крестьянах с. Малой Грязнухи Балашовского уезда Власовых, обвиняемых в сопротивлении местным властям // ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 222. Л. 3.

17. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе (1861–1880 гг.). М.: Наука, 1978.

18. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1968.

19. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 147.

20. Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. Спб., 1895.

21. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 140.

22. Макалинский В.П. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. II. Пгд., 1915. С. 28.

23. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902.

24. Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей: высочайшее утверждённое мнение Государственного Совета № 6162 от 7 июля 1889 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II. Отделение Собственной Его Императорского Величества Канелярии, 1891. Собрание III. Т. IX.

25. По вопросу о подсудности дела о краже или мошенничестве, учинённых после двукратного наказания за такое же преступное деяние по решениям волостных судов: высочайше утверждённое мнение Государственного Совета № 12763 от 15 апреля 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1899. Собрание III. Т. XVI.

26. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2, т. XXXVI. Отделение 1. 1861. Спб., 1863, с. 141–169, № 36657.

27. Прибавление к № 101-му «Саратовских Губернских Ведомостей» // ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 8. Л. 118 об.

28. Регистрационный листок преступления по делу о краже // ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 182. Л. 64.

29. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Спб., 1866.

30. Уголовный кодекс Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями на 15 мая 2015 года. М.: Эксмо, 2015.

31. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е годы XIX в.). Л., 1972. С. 26.

* * *

1. Bezobrazov V.P. Gosudarstvo i obshhestvo. Upravlenie, samoupravlenie i sudebnaja vlast'. Spb., 1882. S. 42.

2. Vremennye pravila o volostnom sude v mestnostjah, v kotoryh vveden v dejstvie zakon o preobrazovanii mestnogo suda, Vysochajshe utverzhdjonnyj 15 ijunja 1912 g. (Sobr. Uzak, 1912 g., № 118, st. 1003), – s zakonodatel'nymi motivami, s prilozheniem statej «UstavSost. K.P. Zmirlov» – Pravo Spb., 1912. S. 127–146.

3. Vremennye pravila o Volostnom sude: № 6196 ot 12 ijulja 1889 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). SPb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1863. Sobranie III. T. IX.

4. Vysochajshe utverzhdjonnoe Obshhee polozhenie o krest'janah, vyshedshih iz krepostnoj zavisimosti: № 36657 ot 19 fevralja 1861 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Spb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1863. Sobranie II. T. XXXVI.

5. Vysochajshe utverzhdjonnoe Polozhenie o gubernskih i uezdnyh po krest'janskim delam uchrezhdenijah: № 36660 ot 19 fevralja 1861 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Spb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1863. Sobranie II. T. XXXVI.

6. Vysochajshe utverzhdjonnoe Polozhenie o zemskih uchastkovyh nachal'nikah: № 6196 ot 12 ijulja 1889 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Spb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1912. Sobranie III. T. IX.

7. Gil'debrant P.A. Trudy jetnograficheskostatisticheskoj jekspedicii. SPb., 1872. S. 10.

8. Delo krest'janina s. El'shanki, obvinjaemogo v jeksgumacii v ritual'nyh celjah // GASO. F. 7. Op. 1. D. 2597.

9. Delo o krest'janine Vladimire Mihajloviche Koroljove, obvinjonnogo po st. 312 Ulozh. o Nakaz., obvinjonnogo v prestuplenii po dolzhnosti // GASO. F. 7. Op. 1. D. 5344.

10. Delo o krest'janine Ignatie Zaharoviche Mirine // GASO. F. 7. Op. 1. D. 4841.

11. Delo o proisshestvijah po I stanu Saratovskogo uezda // GASO. F. 65. Op. 1. D. 26.

12. Delo o raznoglasijah mezhdu sudebnymi sledovateljami // GASO. F. 7. Op. 1. D. 95.

13. Delo o rassmotrenii apelljacionnoj zhaloby starosty s. Kolojary Vol'skogo uezda Konopljannikova I.E., osuzhdjonnogo za oskorblenie dejstviem krest'janina // GASO. F. 7. Op. 1. D. 176.

14. Delo o rassmotrenii apelljacionnoj zhaloby krest'janina s. Lesnaja Neelovka Saratovskogo uezda Shilkina Ivana Ionovicha, osuzhdjonnogo za oskorblenie dejstviem volostnogo starshiny // GASO. F. 7. Op. 1. D. 191.

15. Delo pristava I stana Saratovskogo uezda o sostojashhem pod nadzorom policii krest'janina Ignatija Konstantinovicha Shepeleva // GASO. F. 65. Op. 1. D. 201.

16. Delo po ugolovnomu departamentu na osnovanii zakona ot 9 maja 1878 g. po delu o krest'janah s. Maloj Grjaznuhi Balashovskogo uezda Vlasovyh, obvinjaemyh v soprotivlenii mestnym vlastjam // GASO. F. 7. Op. 1. D. 222. L. 3.

17. Druzhinin N.M. Russkaja derevnja na perelome (1861–1880 gg.). M.: Nauka, 1978.

18. Eroshkin N.P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vyssh. shk., 1968.

19. Zajonchkovskij P.A. Otmena krepostnogo prava v Rossii. M., 1968. S. 147.

20. Leont'ev A.A. Volostnoj sud i juridicheskie obychai krest'jan. Spb., 1895.

21. Litvak B.G. Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaja al'ternativa. M., 1991. S. 140.

22. Makalinskij V.P. Prakticheskoe rukovodstvo dlja sudebnyh sledovatelej, sostojashhih pri okruzhnyh sudah. Ch. II. Pgd., 1915. S. 28.

23. Ministerstvo justicii za sto let. 1802–1902. Istoricheskij ocherk. SPb., 1902.

24. Ob izmenenii porjadka proizvodstva del po nekotorym prestuplenijam, podlezhashhih vedeniju sudebnyh mest s uchastiem prisjazhnyh zasedatelej: vysochajshee utverzhdjonnoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta № 6162 ot 7 ijulja 1889 g. // PSZRI. SPb.: Tip. II. Otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kaneljarii, 1891. Sobranie III. T. IX.

25. Po voprosu o podsudnosti dela o krazhe ili moshennichestve, uchinjonnyh posle dvukratnogo nakazanija za takoe zhe prestupnoe dejanie po reshenijam volostnyh sudov: vysochajshe utverzhdjonnoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta № 12763 ot 15 aprelja 1896 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). SPb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1899. Sobranie III. T. XVI.

26. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobr. 2, t. XXXVI. Otdelenie 1. 1861. Spb., 1863, s. 141–169, № 36657.

27. Pribavlenie k № 101-mu «Saratovskih Gubernskih Vedomostej» // GASO. F. 65. Op. 1. D. 8. L. 118 ob.

28. Registracionnyj listok prestuplenija po delu o krazhe // GASO. F. 65. Op. 1. D. 182. L. 64.

29. Sudebnye Ustavy 20 nojabrja 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenij, na koih oni osnovany. Spb., 1866.

30. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. Tekst s izmenenijami i dopolnenijami na 15 maja 2015 goda. M.: Jeksmo, 2015.

31. Chernuha V.G. Krest'janskij vopros v pravitel'stvennoj politike Rossii (60–70-e gody XIX v.). L., 1972. S. 26.

Delinquencies of peasants of the Saratov province (second half of the XIX – beginning of the XX centuries)

There are analyzed the prevalent types of faults and crimes committed by peasants in the Saratov province after the abolition of serfdom, as well as the roles of the officials in finding the verdict. There is noted the legal procedure, its local peculiarities, as well preventive measures as the way of fight with peasant delinquencies. There are regarded the law realities consisting in combination of the official legislation and the norms of peasants' law.

Key words: *peasantry, the Saratov province, delinquencies, faults, crimes, legal procedure.*

(Статья поступила в редакцию 10.06.2015)

Д.И. ТУШКАНОВ
(*Волгоград*)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦАРИЦЫНЕ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам периодической печати)

По материалам периодической печати г. Царицына, мало изученным до сих пор, изложен вопрос о деятельности благотворительных обществ в городе в начале Первой мировой войны, подробно рассмотрены формы и виды благотворительной деятельности. Дано представление о видах, формах, объемах и итогах большого количества благотворительных акций, названы наиболее известные меценаты – участники благотворительной помощи раненым в первые годы войны, описана деятельность специально созданных благотворительных обществ.

Ключевые слова: *периодическая печать, Царицын, благотворительная деятельность, Первая мировая война, газеты Царицына.*

Совсем недавно минуло 100 лет с начала Первой мировой войны, которую современники называли либо Великой войной, либо Второй Отечественной. В истории нашей страны эта война сыграла огромную роль и, в конечном счете, привела к коренным изменениям во всех сферах жизни общества и государства. Трудно найти более переломную точку в истории нашего государства, чем события, произошедшие в России в годы Первой мировой войны, в том числе и революции 1917 г. Однако в советской историографии Первая мировая война практически не изучалась. Во-первых, по идеологическим установкам не приветствовалось ее подробное рассмотрение, а во-вторых, ее «затмила» Гражданская война, которую стали досконально изучать в советской исторической науке. К данной теме для более подробного изучения обращаются в постсоветский период, особенно в 2000-х гг. появляется множество работ, посвященных разным проблемам Великой войны [22].

Следует отметить, что интерес к данной теме в современной России стали проявлять не только историки, но и различные общественные организации, государство, общество в целом, отдавали дань памяти тем павшим героям войны, о которых в советское время не вспоминали. Так, например, первого августа 2004 г. в Москве были установлены памятные знаки «Павшим в мировой войне 1914–1918 годов» и «Российским сестрам милосердия», приуроченные к 90-летию начала Первой мировой войны. Следует подчеркнуть, что это одни из первых за 90 лет с начала войны памятные знаки в России, которые были посвящены событиям Первой мировой войны.

Также нельзя не сказать о том, что в декабре 2012 г. Президент России утвердил поправку в Федеральный закон РФ «О днях воинской славы и памятных датах России», в соответствии с которой первое августа объявляется Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг. [21]. Совсем недавно, в 2014 г., к столетию начала Первой мировой войны было открыто множество памятников в разных городах, таких как Калининград, Москва, Гусев, Липецк, Псков и др. Четвертого августа 2014 г. в Санкт-Петербурге был открыт первый в современной России музей Первой мировой войны. В Волгограде также в 2014 г. был открыт памятник «Жителям Царицына – участникам Первой мировой войны 1914–1918 гг.», при открытии которого состоялась реконструкция жизни Царицына в первые годы войны, а также была показана выставка «Царицын. На войну уходил эшелон» [20]. Особо следует указать, что открытие памятника является благо-

© Тушканов Д.И, 2015